

Я Б НАВЕКИ ПОШЕЛ ЗА ТОБОЙ
ХОТЬ В СВОИ, ХОТЬ В ЧУЖИЕ ДАЛИ

ПРОКЛЯТЫЙ ПРИЗРЯК

Я Н И Н А Х М Е Л Ь

18+

Янина Хмель

Проклятый призрак

Серия «Тетралогия «Сила четырёх стихий». Жанр: мистика», книга 4

<https://litres.ru/74069573>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор потерял мать и с тех пор ненавидит церкви и больницы — места, где умирает надежда. Когда сводная сестра врывается в его жизнь, любовь становится для него и спасением, и приговором: она больна, медицина бессильна, а религия объявляет их чувства грехом.

В отчаянии Виктор заключает сделку с таинственным алхимиком и обрекает себя на проклятую, почти бесконечную жизнь, чтобы когда-нибудь встретить её душу снова.

Это история о запретной страсти и о цене бессмертия.

Содержание

Виктория. Мой воздух	4
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Янина Хмель

Проклятый призрак

Виктория. Мой воздух

Глава I

Я отказывался запоминать её такой — мёртвой. Но и помнить её живой было мучительно. Воспоминания сдавливали грудь, лишали дыхания, вытесняли воздух из лёгких. Она думала, что я не вижу, как ей тяжело даются эти вымученные улыбки, а я не только видел, но и чувствовал её боль, как собственную.

Я хотел было развернуться и покинуть церковь, но отец остановил меня и покачал головой. Его небрежный толчок в спину подтолкнул меня вперёд, хотя я всё ещё не ощущал под ногами землю. Церковь то увеличивалась, отдаляя от меня гроб, то сжималась, и он оказывался совсем рядом. Я жмурился, чтобы не смотреть, чтобы задержать выступившие слёзы.

Когда до гроба оставалось всего несколько шагов, я замер. Крышка была открыта, и я не мог не смотреть на неё. Не мог смотреть куда-то ещё, кроме как на неё. Но это была не

она, а какая-то другая женщина: последние месяцы жизни оставили на её лице отпечаток болезни, превратив в дряхлую старушку, а в гробу сейчас лежала молодая женщина с почти натуральным румянцем на слегка впалых щеках.

— Совсем не похожа на себя, правда? — прошептал отец, словно прочитав мои мысли.

Я бросил на него испуганный взгляд и кивнул. Надежда шёлковой вуалью полоснула мою душу, опустилась к ногам и исчезла.

— Врачи сделали всё, что могли, ты же знаешь. Я сделал всё, что мог.

Я хотел ему верить, но внутри всё сопротивлялось. Нет, он сделал не всё, что мог... Он мог бы предложить алхимику что-то взамен на её жизнь. Да хоть свою душу! Если ты любишь, то зачем тебе душа без любимого человека? Зачем тебе жизнь без него?

Отец не умел показывать свои настоящие эмоции, оттого казался безразличным, словно хоронил обычного пациента, а не жену. Я же не умел скрывать свои, и когда увидел мать в гробу, расплакался, как мальчишка. Стыдливо провёл ладонью по глазам, но щёки не успевали высыхать — слёзы всё текли и текли.

Я опустил голову ниже и схватился за край гроба, чуть не перевернув его.

— Всё хорошо? — Отец присел рядом.

— Всё хорошо, — эхом отозвался я. В горле стоял ком,

я попытался откашляться, чтобы избавиться от него, но он только становился больше. — Как ты так легко отпускаешь её? — выдохнул я и посмотрел на отца. Его лицо расплывалось из-за пелены перед глазами.

Отец придерживал гроб, вероятно, опасался, что я переверну его.

— Иногда единственное, что нам остаётся, — это смириться.

Последнее слово я услышал как «забыться». Стены церкви давили, лики святых с икон смотрели со скорбью. Жмурясь, я коснулся маминой руки. Её ладони были сложены на груди, одна поверх другой, и только холод, который исходил от них, убедил меня, что в её теле больше нет жизни.

В этом теле больше нет её души.

— Хочешь что-нибудь сказать? — громко спросил отец, и все голоса сразу стихли, уступая место моему.

— Нет. — Мой голос в тишине прозвучал слишком резко.

Отец вздохнул и кивнул, что можно закрывать крышку. Он помог мне подняться. Я до последнего не разжимал пальцы, не отпуская её. Всклипывания и молитвы смешались в единый гул. Я ненавидел церкви — как и больницы. Но было в них кое-что общее: симбиоз запахов — смерти и умирающей надеждой.

Глава II

Отец женился во второй раз через три года. Конечно, вдовцы едва ли выдерживают принятые три месяца траура, но я считал, что и этого мало. Наши взгляды разнились: по его мнению, любить можно много раз, я же был однолюбом, но ещё не встретил ту самую, просто чувствовал, что в моём сердце есть место только для одной женщины.

Меня не было на свадьбе отца, но это не было знаком протеста или неуважения: я долгое время путешествовал по стране, чтобы отвлечься от мрачных мыслей. Отец не стал дожидаться моего возвращения. Да и в моём благословении он не нуждался.

Мы ждали, пока подадут карету.

— Тебе самому уже пора жениться!

— Я никого не люблю, — отрезал я.

— Значит, нужно влюбиться.

— Мне не нужны советы человека, который не хранит верность своей любимой.

— Не нужно избавляться от любви к одному человеку, чтобы любить другого, — сказал отец, похлопав меня по плечу.

— Любовь не умирает, даже если умер человек, — отозвался я.

Мы присели друг напротив друга, и карета тронулась.

— Сегодня ты познакомишься не только с мачехой.

— И с кем же ещё?

— Со своей сестрой.

— Уже? — удивился я. — Быстро вы.

— Сводная сестра.

— Ты не говорил о ней.

— А ты и не спрашивал, — пожал плечами отец.

Я молча уставился в окно.

— Она больна, — вдруг сказал он.

— Твоя жена? — Я повернулся к нему.

— Твоя сестра.

Когда карета остановилась, отец не спешил выходить. Я тоже не двинулся с места.

— Я не прошу тебя любить их. Просто будь... вежлив, как умеешь быть вежливым с теми, кому хочешь понравиться.

— Отец поднялся.

— То есть быть лицемерным, — я следом выбрался из кареты.

— Если для тебя вежливость то же, что и лицемерие, — вздохнул он. — Ты уже взрослый. У тебя своя жизнь, и я в неё не лезу.

— Так уж не лезешь.

Мы подошли к крыльцу небольшого, но ухоженного домика. Вокруг всё казалось застывшим: не слышно ни пения птиц, ни шороха листьев. Деревья вокруг казались часовыми — идеально прямые и высокие. По сравнению *с моим* он был

как собачья будка рядом с хозяйским домом.

— Это лишь знак приличия, сын.

— Конечно, нужно показать, что ты хорошо воспитал меня, папа, — съязвил я.

Отец, как обычно, сделал вид, что не расслышал. Это он хорошо умел — делать вид. Делать вид, что не скорбит. Делать вид, что ему всё равно. Жаль, что мне по наследству передалась эмоциональность матери, а не высокомерие отца.

На пороге нас встречала тучная женщина. Я понадеялся, что она окажется горничной, но, увы, отец представил её как свою жену. Я не расслышал имени, а переспрашивать не стал. Я вспомнил маму: её худоба была не из-за болезни — она всегда была тонкой, ей даже запрещали рожать, но она справилась. На последних балах, когда она ещё вела светскую жизнь, её принимали за мою невесту — отец был занят своими пациентами, а я сопровождал маму.

За мной захлопнулась дверь. Повеяло знакомым запахом смерти и умирающей надежды. И если снаружи всё было застывшим, то внутри — слишком оживлённым. Такое оживление обычно было перед ожиданием неизбежного конца: вокруг все суетятся, чтобы сделать всё правильно.

— Милая, спустись к нам! — громко позвала мачеха. Я вздрогнул от её низкого, почти мужского голоса, сравнимого со звуками органа. Мамин же был подобен трели скрипки.

Я услышал шаги на лестнице, но прежде почувствовал чей-то взгляд. Он заинтересованно скользнул по мне, я успел

перехватить его прежде, чем *моя сестра* отвела глаза.

— Виктория, у нас гость! — Мачеха покачала головой. — Это Виктор, сын Леона.

Виктория спрятала руки в складках бордовой накидки, низ которой был расшит красными розами, что шлейфом тянулись за ней по лестнице. Я вспомнил о маминой незаконченной картине — роза с осыпающимися лепестками, которые так и остались незакрашенными.

— Даже дети у вас созвучных имён, как повезло! — фыркнула Виктория, развеивая нахлынувшие воспоминания. — Добро пожаловать домой, Виктор.

Всё же было между нами кое-что общее: оба не в восторге от нового брака своего родителя.

Темнота гостиной утяжеляла атмосферу. Свечи на столе отбрасывали тени на мрачные лица. Отец сидел слева от меня, мачеха рядом с ним, сестра напротив, сложив руки на груди и открыто рассматривая меня, даже не отводя взгляд, когда я смотрел на неё, а между нами молчаливая старушка подсовывала Виктории тарелки с едой, которые та демонстративно не замечала.

— Она опять не ест? — мачеха шепнула старушке.

Та раздосадованно пожала плечами.

— Я если что тоже здесь, матушка, — напомнила Виктория.

Я тоже не прикоснулся к еде.

— Ваша мать готовит лучше?

— Моя? — Я посмотрел на Викторию, не сразу сообразив, что вопрос обращён ко мне.

Наши глаза встретились в молчаливой схватке: зелёная волна настигла подножье гор, пошатнув их спокойствие.

— Виктория! — осадила её мачеха.

— Моя мать умерла, — ответил я.

Виктория склонила голову набок и прищурилась:

— Мой отец тоже. Но я была слишком мала, даже не помню его лицо.

Я скривился в улыбке.

— Вы боитесь смерти, Виктор? — как ни в чём ни бывало спросила она.

— Нет, если она пришла за мной, а не за тем, кого я люблю.

Виктория улыбнулась и пододвинула к себе тарелку.

— Что это? — она взглянула на старушку.

— Это говяжьи щёчки, моя милая.

— Хорошо, — кивнула она и взяла приборы.

— Вы хорошо на неё влияете, Виктор, — заметила мачеха.

— Не думаю, что разговоры о смерти улучшают пищеварение.

— Попробуйте это, — вмешалась Виктория, кивнула на мою тарелку, — это вполне себе сносно.

Старушка подложила Виктории ещё, но та хлопнула её по ладони:

— Нянечка, довольно.

Я наблюдал за ней, поджав губы. Чем же она больна? Выглядела вполне здоровой. Я заметил и румянец на щеках. Виктория, почувствовав, что я рассматриваю её, подняла голову и поддалась вперёд:

— Предполагаю, вы гадаете, какой недуг настиг меня?

— Виктория! — вздохнула мачеха.

Отец весь ужин отсутствующе молчал.

— Никто не знает, — пожала плечами Виктория, не замечая попытки матери смягчить её слова. — А отчего умерла ваша матушка?

— Виктория... — застонала мачеха.

— Никто не знает, — спокойно ответил я.

— Пора принять лекарства, Виктория, — наконец вмешался отец.

— Пусть мой братец позаботится об этом, — Виктория поднялась и направилась к лестнице.

— Прошу прощения за то, что она... — мачеха бросила быстрый взгляд на отца, но тот не смотрел на неё, он словно и вовсе не слышал, о чём здесь говорят, — что она разбередила свежие шрамы, Виктор, в связи с кончиной вашей матушки...

— Какие лекарства? — уточнил я, всем видом давая понять, что не хотел бы продолжать этот разговор.

Мачеха развернулась к отцу.

— Из него бы вышел прекрасный доктор, — вздохнул

отец и покосился в мою сторону, — но он решил пойти по стопам матери и стать художником.

— Ты рисуешь? — Мачеха взглянула на меня.

— Уже нет, — отрезал я и повторил свой вопрос: — Какие лекарства?

— Принеси, — мачеха кивнула старушке.

Та удалилась из-за стола.

— Ай, ещё перепутает, — буркнула мачеха и поспешила вслед за ней.

Я молчал. Отец кашлянул.

— Ей бы хотелось, чтобы ты следовал своему предназначению, — тихо сказал он.

— Это неважно. Её больше нет.

Вернулась мачеха и подала мне поднос с лекарствами.

— Сначала вот это, — она указала на чашечку поменьше, — а потом вот это, — посмотрела на другую, от которой шёл дымок. — Проследи, чтобы она выпила всё.

Я кивнул и направился к лестнице, но замер у последней ступеньки: не знал, куда идти дальше. Этаж был светлым в отличие от гостиной — свет шёл от больших окон просторного холла, а выше уходила ещё одна лестница, круче предыдущей, и оттуда распахнулась дверь. В проёме стояла Виктория.

— Не ко мне ли вы, братец?

— Принёс вот... — Я кивнул на поднос в своих руках.

Виктория подпархнула ко мне и схватила чашечку по-

меньше, приняхалась.

— Чили, — фыркнула она, — матушка думает, что этот отвар снимает боль. — Она выплеснула содержимое на стену. — Ошибается!

Я опешил, но успел перехватить вторую чашку, прежде чем Виктория коснулась её, и завёл поднос за спину.

— А меня не предупредили, что пациентка буйная...

— А там, поди, успокоительное! — Виктория закатила глаза.

— И вам очень кстати.

— Дайте сюда! — приказала она и потянулась за мою спину.

Свободной рукой я схватил её за запястье, притянув девушку к себе:

— Если нужно, я залью его силой.

— А папочка к таким методам не прибегает.

— Я не мой отец, — холодно бросил я.

Её кожа была холодная, запястье тонкое. Я почти не ощущал её руку в своей. Мы оказались так близко друг к другу — непозволительно близко. Я отпрянул, отпустив её.

— Да, посимпатичнее будете, — фыркнула Виктория. — Так вы отдадите мне лекарство или нет?

— Его нужно выпить, а не вылить.

— Они не помогают! — Она нахмурилась, выдернув свою руку.

— Конечно, они не будут помогать, если их выливать!

Мы услышали шаги, я обернулся к лестнице. Виктория быстро поднялась в свою каморку и, схватив за ворот рубашки, потянула меня за собой.

— Давайте сюда эту дрянь! — Она выхватила чашку, половина содержимого которой пролилась, и быстро выпила остатки, сглотнула и показала язык.

— И стоило устраивать этот спектакль? — горделиво бросил я, оглядываясь.

Маленькая и тёмная комната, но при этом она напомнила мне о чердаке в моём доме, где мама рисовала. Там было много света, который проникал через стеклянную крышу. Здесь же источником света служило только одно маленькое окно.

— Матушку отпугивает этот чердак. — Виктория присела на край кровати. — Зато нянюшка не боится.

Пол был устлан распущенными клубками ниток разных оттенков красного — от тёмно-бордового до ярко-алого. Виктория проследила за моим взглядом.

— Не могла подобрать цвет для роз, — пожалала плечами она.

— Я... мне не следует здесь находиться, — я попятился к двери.

— Я не кусаюсь! Я же выпила успокаивающий отвар, — закатила глаза она, потом подняла руки и стала скручивать волосы по кругу, схватила со столика в углу спицу и воткнула её в причёску.

Я так и стоял у двери, прижавшись к ней спиной. Меня спасла старушка, лицо которой показалось в приоткрытую дверь. Я вынырнул наружу и стремглав бросился к выходу.

Дома я поднялся на чердак, направляемый чьей-то невидимой рукой, подошёл к мольберту, провёл по нему ладонью. пыль взлетела вверх и медленно осела. Все мамины картины стояли у голой стены, приставленные друг к дружке. Я разозлился на отца, что он снял их, а потом разозлился на себя, что сам не заходил сюда уже больше трёх лет.

На мольберте стояла незаконченная картина — одинокая роза, голова которой смотрела вниз, почти все лепестки осыпались, но они были не закрашены. Видимо, мама не успела подобрать цвет... Я аккуратно снял её и поставил рядом с другими. Когда я вернулся к мольберту, мой взгляд зацепился за белый лист, но я чётко увидел на нём портрет.

Остатки угля рассыпались под пальцами, но я продолжал рисовать. Казалось, эти черты уже не стереть из моей памяти. Я закрывал глаза и рисовал, чувствовал под пальцами только полотно и крошки, которые впивались в подушечки. В какой-то момент я так сильно надавил на лист, что услышал характерный звук — порвалась бумага. Прилив ярости нахлынул так неожиданно, что я не успел совладать с собой. Очнулся уже тогда, когда всё было разрушено: разорвано, сломано, разбито.

Глава III

Когда следующим утром карета остановилась у дома мачехи, я не был уверен, что это порыв сердца, а не разума. Я стоял на крыльце и, когда поднял голову вверх, готов поклясться, что встретился в окне с зелёными глазами.

Я не двинулся с места. Чего я боялся? Мне казалось, все свои страхи я вчера уничтожил — вместе со старым мольбертом, мамиными полотнами, красками и кистями. Вместе с моим недорисованным портретом. Как хорошо, что злости было недостаточно, чтобы сжечь всё: тогда бы я остался без дома. О том, что вчера произошло, свидетельствовали мои ладони, которые сейчас были перевязаны. Только я начал натягивать перчатку, как перед моим лицом распахнулась дверь.

Две пары удивлённых глаз уставились на меня.

— Сын! — первым опомнился отец. — Мы тебя не ждали...

Мачеха приветливо улыбнулась, но посмотрела на меня отнюдь не радушно. Между ними протиснулась Виктория.

— Что ж вы сразу не сказали, что намечается семейная прогулка! — наигранно весело сказала Виктория, поправив на своих плечах шаль.

Она подошла ближе и просунула руку через мой локоть.

Отец заметил мои перевязанные ладони и отвёл взгляд.

Промолчал, за что я был ему признателен. Но зато Виктория обратила на это внимание:

— Что случилось с вашими руками? — тихо спросила она.

Я быстро натянул перчатки и пожал плечами.

— А куда держим путь, маменька? — Виктория обернулась и обратилась к родителям, слегка отклонившись от меня.

— К озеру, дорогая. Тебе нужно чаще дышать свежим воздухом, — ответила мачеха, беря отца под руку.

— Я уже дышу, — Виктория мельком провела по мне взглядом и улыбнулась. — Вы как глоток свежего воздуха, — тише добавила она.

В сторону озера мы шли молча. Я слышал только наше дыхание и шаги. Родители тоже молчали, буравя взглядом мою спину.

— По старой легенде, — щебетала Виктория, не обращая внимания на напряжение, исходящее от них, — у него нет дна.

— У кого? — напряжённо отвечал я.

— У озера, — усмехнулась она. — Оно Бездонное.

Я молча кивнул. Рядом с ней я превращался в смущённого мальчишку, но ничего не мог с собой поделать: язык немел, в голове становилось пусто.

— Какая твоя любимая стихия? — Виктория лавировала между «ты» и «вы», чем ещё больше путала мои мысли. И

чувства.

— Огонь, — тихо говорил я.

— А я похожа на огонь? — нарочито громко спрашивала Виктория.

Хоть родители и отстали от нас, всё равно прислушивались к разговорам и торопились следом, чтобы мы ни в коем разе не оставались наедине.

Я глупо ухмыльнулся: она была огнём, но стала моим воздухом. Так стремительно проникла под кожу, потекла по венам, окружила сердце, завладела мыслями. Я встряхнул головой.

Виктория отпустила мою руку и присела на берегу. Она водила по глади озера ладонью, не касаясь воды, словно пыталась приручить стихию.

— Будьте осторожны, пожалуйста.

— Будьте? — Она обиженно посмотрела на меня. — А мне казалось, что мы стали ближе.

— Будь, пожалуйста...

— Вам страшно за меня?

Мне страшно за себя рядом с ней. Но вслух я в этом не признался.

Родители нагнали нас.

— Если бы мы знали, что на твои уговоры подействует присутствие Виктора, мы бы сразу пригласили его на прогулку, — выдохнул отец, запыхавшись от быстрой ходьбы.

— Не замёрзла? — вмешалась мачеха.

Виктория фыркнула.

— Я могу взять все прогулки на себя, — как можно безразличнее предложил я.

— Тебя было не заманить сюда, — подозрительно посмотрел на меня отец и покачал головой.

— Но теперь я здесь.

Мне ещё удавалось сдерживать свои эмоции, но я не знал, сколько ещё смогу делать вид, что причина моего сегодняшнего внезапного визита вовсе не Виктория.

— Если тебе удастся вытаскивать её из дома, — отец усмехнулся, — хотя бы два раза в неделю, это будет прекрасно!

Я заметил, как напряглись плечи мачехи, но её румяное полное лицо оставалось без эмоций.

— Вызов принят, — ответил я.

— Боюсь, тебе придётся выносить её на руках, — сказала мачеха, взглядом упрекнув отца в вольности. Знать бы, чем я не угодил ей, что она не хочет видеть меня рядом со своей дочерью.

Всё это время Виктория молчала, отвернувшись к озеру.

— Из дома меня вынесут только к алтарю или в гробу! — бросила она.

— Виктория! — осадил её мать.

— А на прогулки с этим джентльменом я буду выходить сама, — она подошла ко мне и вновь просунула свою ручку через мой локоть.

— Виктория! — Глаза мачехи округлились.

— Что не так, маменька? — Виктория развернулась, потянув меня за собой. — Мы ещё подышим свежим воздухом.

— Безопасны ли эти *прогулки*, Леон? — шепнула мачеха за нашими спинами.

— *Эти* прогулки только на пользу ей, — был ответ отца. Родители вернулись в дом, но за нами молчаливо следовала нянечка. Она то исчезала за стволами деревьев, то выныривала.

Виктория делала вид, что не замечает её.

— Слишком опрометчиво.

— От меня не ждут ничего другого, — обречённо вздохнула Виктория, — от меня вообще уже ничего не ждут.

Я молчал.

— Какой-то вы немногословный сегодня.

— Вы? А мне казалось, что мы стали ближе, — поддел её я.

На ней было шерстяное пальто, а поверх него накинута тёплая шаль, её тонкие ручки были в бордовых длинных перчатках, но я всё равно ощущал холод её кожи.

— Ты дрожишь... — Я остановился. — Замёрзла?

Она тоже остановилась. Ниже меня почти на две головы, она всегда смотрела снизу вверх, но этот взгляд был уверенный и смелый. Её рука по-прежнему лежала на моём локте. Я перехватил её ладони в свои.

— Что случилось с твоими руками? — спросила она.

— Слишком опрометчиво, — вздохнул я.

— Опрометчивее... чем это? — Виктория привстала на носочки, и я сразу же понял, что она хотела сделать. Наклонился ниже, ощутил её дыхание так близко... У меня свело живот от подобной близости.

Виктория отстранилась, выхватив свои ладони из моих и разворачиваясь. Я обернулся, выглядывая старушку.

— Она что немая, — усмехнулась Виктория, закатив глаза, — ничего не расскажет матушке.

Я поймал её за локоть и вернул лицом к себе. Мучительно долго смотрел в глаза, потом на губы, потом наклонился и придвинулся ближе... Страшно хотелось прикоснуться к ним. Она улыбнулась и прикрыла глаза. Я тоже опустил веки и поддался соблазну. Стало вдруг темно, но эта темнота была нашим союзником.

Глава IV

Иногда приходилось выходить через дверь и делать вид, что отправляюсь домой, а самому прятаться за каким-нибудь толстым стволом и дожидаться, пока Виктория, убедившись, что все спят, впустит меня.

— Может, в следующий раз через окно? — прошептала она, сдерживая смехок.

— На чердаке? — возмутился я.

Виктория закрыла мне рот ладонью.

— Тс-с! — шикнула она.

Мы, как воры, пробрались на чердак. Виктория тихонечко прикрыла за нами дверь и повернулась ко мне. Я вжался в стену и, задержав дыхание с самого порога, медленно, громко выдохнул.

— Нужно поменять повязки на твоих ладонях, — улыбнулась она и сделала шаг ко мне.

— Не нужно, — запротестовал я. Меня пугала её близость, но я уже не мог без неё — ни спать, ни дышать, ни жить.

На ней, как всегда, было длинное домашнее платье бордового цвета, а поверх него накидка. Та самая, в которой я увидел её впервые.

Виктория никогда не спала по ночам. Да и днём сон не шёл. Но когда я был рядом, она клала голову мне на колени и дремала. Её тёмно-рыжие волосы, обычно собранные на затылке и заколотые спицей, распускались по моим ногам. Я с осторожностью пропускал их сквозь пальцы. Она перевернулась на бок и подтянула коленки к груди. Из-под подола платья выглянули белые ступни. Засопела. Но сон, как и всегда, был тревожным.

Виктория открыла глаза и посмотрела на меня снизу вверх.

— Уснула, — выдохнула она, — я снова уснула. Ты действуешь на меня лучше успокоительных трав, которые заваривает матушка.

Я молчал: любые слова были лишними. Мне казалось, с того первого поцелуя у озера я передал ей власть над моими мыслями, и она слышала их. И каждый раз отвечала на мои невысказанные слова, начиная с «Я знаю, о чём ты думаешь...»

— Я знаю, о чём ты думаешь, — Виктория поднялась, — как хорошо, что твой отец женился на моей матери?

Я помотал головой. Мои мысли были о другом: я хотел бы перенестись в мой дом, где будем только я и она. Где не нужно прятаться от родителей и нянечки. Она всё видела: и наши взгляды, и наши поцелуи. Молчала, качая головой. Она не смотрела на нас с осуждением, но никогда не оставляла наедине — делала вид, что занята вязанием или шитьём, но когда мы молчали, она поднимала голову, чтобы убедиться, что мы на приличном расстоянии друг от друга.

— Иначе бы мы никогда не встретились! — добавила Виктория, взмахнув руками. Длинные рукава платья скатились к плечам, оголяя тонкие бледные запястья.

— Встретились бы, — не согласился я.

— В следующей жизни? — Виктория сощурилась.

— А как же эта?

— Скоро кончится, — вздохнула она, отворачиваясь лицом к окну.

— Я не отпущу тебя! — Это прозвучало слишком искренне, словно я действительно мог не отпустить её.

Виктория посмотрела на меня:

— У нас есть только сегодня, а завтра может не быть.

— Нельзя удержать того, — понизил голос я, — кто не хочет оставаться...

Мы услышали шаги за дверью. Я поднялся.

— В шкаф! — шёпотом скомандовала Виктория.

Я нырнул в её платя, притаившись и задержав дыхание.

Услышал, как приоткрылась дверь.

— Милая? — Голос мачехи. — Мне показалось, ты с кем-то разговаривала...

— Сама с собой, маменька, — фыркнула Виктория. — Я брежу.

— Принести тебе лекарство? — вздохнула та.

— Мне хорошо, — бросила Виктория. В её голосе не слышалось волнения, только лукавство и весёлость, вероятно, моё присутствие в её шкафу забавляло её.

Я не дышал.

— Отчего ты так весела... — мать запнулась.

— Словно прячу в шкафу ночного гостя? — продолжила за неё Виктория.

Я зажмурился.

Мачеха тихонько рассмеялась:

— Скажешь тоже! Не удалось поспать?

— Я поспала! — Представил, как на этих словах она закатила глаза. — Что ты заладила!

Послышалось какое-то шуршание, наверное, Виктория вытолкнула её за дверь. Потом дверь захлопнулась.

— До утра, матушка!

Дверь шкафа распахнулась — слишком громко.

— Ты что творишь! — выдохнул я.

Она нырнула ко мне в объятия и прижалась.

— Я хочу раствориться в тебе, — прошептала Виктория, дотягиваясь до моих губ, обдавая их холодным дыханием.

Глава V

Казалось, её состояние стало лучше, но это было обманом. Я просто хотел верить, что она выздоравливает.

Мы с отцом сидели в маленькой гостиной. Сверху была слышна ругань. Мачеха заставляла Викторию выпить успокоительное и обезболивающее, а та отказывалась.

— Не хочешь вмешаться? — раздражённо спросил я. Всё сложнее было сдерживаться эмоционально.

Отец раскинулся в кресле, попивая кофе из маленькой чашечки.

— Ей не помогают эти травяные настойки, — пожал плечами отец.

— Почему ты не скажешь *ей* об этом? — Я имел в виду мачеху.

— Она знает.

— Но продолжает заставлять Викторию выпить их!

Отец посмотрел на меня. Я прикрыл глаза. Слишком много эмоций вложил в свои слова. Слишком нежно произнёс

её имя.

— Это каждый раз нервирует её, — уже спокойнее произнёс я, не глядя на него.

— И не только её, — вздохнул отец.

— Возможно ли ещё как-то помочь? — Этот вопрос сорвался с губ быстрее, чем я успел подумать. Я стиснул зубы и вцепился в подлокотники кресла.

— Ей нельзя помочь, Виктор, — сказал отец, словно ставя точку.

Мне же было далеко до его смирения.

— Какая тогда от тебя польза? — Голос задрожал.

— Иногда врачи бессильны...

— Я слышал это много раз! — разгорячился я. — Ты никому не можешь помочь.

— Я не могу спасти только твоих любимых женщин. Это не все.

— Для меня это одно и то же. — Я замолчал, когда понял, что признался ему в своих чувствах.

Отец ничего не ответил. В тишине раздавались громкие глотки кофе, им вторили крики Виктории сверху. Мачеха уже молчала. Потом послышались всхлипы. Моё сердце сжалось: я не знал, кто расплакался.

— Ты зачистил сюда, — заметил отец.

— Это проблема?

— Могут начаться ненужные разговоры за твоей спиной.

— Мне неважно, что болтают.

Отец вздохнул.

Лестница заскрипела: кто-то спускался. Я поднял голову: сверху стояла Виктория. Не было заметно следов слёз на её лице, зато ярко выражена злость — даже ярость. Но как только наши глаза встретились, её взгляд смягчился.

— Я не знала, что вы тут, — Виктория быстро перевела взгляд на отца. — Матушке сейчас успокоительные травы нужнее, чем мне. — Она прижалась к стене, пропуская его мимо себя.

Я поднялся ей навстречу:

— Что там произошло?

— Я сказала, что не боюсь смерти, — пожала плечами она, подходя ко мне.

Я вздохнул, поддался вперёд, но тут же одёрнул себя, бросив взгляд на лестницу.

— Ты веришь в перерождение души? — понизив голос, спросила Виктория, сама подойдя ближе.

Я напрягся, почувствовал, как сердце учащённым грохотом отозвалось на её близость. Виктория лукаво улыбнулась, но её глаза казались уставшими.

— Я вот верю, что мы с тобой ещё встретимся, — вдохновенно сказала она.

— У нас ещё есть эта жизнь...

— Ты должен смириться с тем, что любимые покидают нас раньше, чем мы успеваем к этому подготовиться.

Нас прервали родители: мачеха спускалась впереди, отец

за ней. Виктория отошла от меня на несколько шагов, коснувшись моей ладони рукавом своей накидки.

— Виктория, — мачеха посмотрела сначала на Викторию, потом на меня, — тебе нужно выпить лекарства.

— А я уж подумала, что мы поняли друг друга! — Виктория закатила глаза.

— Я принесу, — как ни в чём не бывало мачеха удалилась на кухню.

Отец остался, молча наблюдая за нами.

— Ты несправедлива к ней... — шепнул я Виктории.

— Не думала, что ты такой слабый! — перебила меня она.

Я взглянул на отца: он делал вид, что не заинтересован нашим разговором.

— Слабый? — сквозь зубы выдавил я.

— Твоя слабость в том, что ты готов идти на поводу у общества, чтобы казаться хорошим. Никто не хороший, Виктор. Ни ты, ни я.

Я молча опустил голову.

— Знаешь, в чём разница между нами? Я это принимаю. И выбираю быть настоящей.

Мачеха вернулась с подносом.

— Тебе станет от этого легче, маменька? — Виктория бросила на неё усталый взгляд.

Та кивнула.

Виктория быстро, в несколько глотков, выпила сначала содержимое одной чашки, потом опустошила другую.

— А мне от этого легче не станет, — фыркнула она и поднялась к себе.

Глава VI

Время не на нашей стороне — счёт шёл не на года. И даже не на месяцы.

Мы сидели на берегу озера. Была поздняя весна. Всё вокруг распустилось, ожило. Увядала лишь она. Становилась ещё бледнее. И только глаза по-прежнему сверкали.

Когда мы были одни по ночам в её комнате, чаще молчали, словно каждое произнесённое слово забирало энергию, и если я мог восполнить её, то её энергии становилось всё меньше. Но днём рядом с нами всегда кто-то был — обычно нянечка. Сейчас она заканчивала шитьё, которая начала Виктория. Она любила расшивать свои платья, но ей не хватало усидчивости, чтобы довести начатое до конца, поэтому этим занималась нянечка, которая тенью следовала за своей воспитанницей.

— Тебе не холодно? — тихо спросил я.

Вместо ответа Виктория приложила ладонь к моей щеке. Я прикрыл глаза. Её пальцы были холодными, словно я прислонился к мраморной статуе.

— Я ощущаю себя старым покосившимся домом, маленький камин которого не может раздать достаточно тепла, чтобы протопить весь дом. Отчего там тепло только если нахо-

даться очень близко к источнику огня. Знаешь, какое горячее у меня сердце?

Я открыл глаза и посмотрел на неё. Она снова была в опасной близости от меня. Виктория улыбнулась и положила голову мне на плечо.

— Я готов бороться за двоих, — сказал я, и сам удивился, откуда вдруг во мне взялось столько смелости. Я физически ощущал это желание бороться — выкрасть её, пусть и у самой смерти.

— Расскажи мне о ней.

— О ней? — не понял я.

— О своей матери, — уточнила Виктория. — Однажды я подслушала разговор родителей...

Я вздохнул.

— Не специально, — словно оправдываясь, сказала она, — просто в доме очень тонкие стены. Леон, — она называла отца по имени, — признался, что ты был очень привязан к ней и что её смерть очень отразилась на тебе.

— С ней умерла какая-то важная часть меня.

— А что умрёт вместе со мной? — Виктория отодвинулась, чтобы видеть мои глаза. — Я хочу, чтобы ты жил.

— Нет, дорогая, вместе с тобой умру весь я.

— Души не умирают, — возразила она. — Души вечны!

— Это очень эгоистично. Ты умрёшь, и тебе всё равно, что будет с живыми, любящими тебя людьми.

Она сидела боком, и я наблюдал её профиль: губы подра-

живали, она не моргала, глаза стали стеклянными и устремлёнными в горизонт.

— Я понимаю твою мать, — продолжал я. — Она не представляет свою жизнь без тебя. И всячески пытается оттянуть тот день, когда вернётся в дом, где уже не будет слышен твой голос. Где не будет тебя.

Виктория резко повернулась ко мне лицом и моргнула, стекло в глазах разбилось, и по щекам покатались его осколки. В этом взгляде считывался вызов — уверенный, смелый.

— Это очень эгоистично, — язвительно сказала она. — Я умру, а люди, любимые мной, продолжают жить, думая, что мне всё равно, что будет с ними. Кого они будут обнимать. С кем будут спать. Кого целовать перед сном и о ком думать засыпая.

Она замолчала. И тишина между нами была какой-то зловещей, надрывистой. Я не слышал своего дыхания, но слышал, как она медленно втягивала воздух и так же медленно выдыхала. Озеро было спокойное, и даже деревья вокруг не шевелились. Не было слышно пения птиц. Всё молчало, словно тоже задержало дыхание.

— Мне мало даже вечности рядом с тобой, — признался я.

— Наверное, если бы я не болела, мы с тобой никогда не встретились. В этой жизни.

— Я бы нашёл тебя!

— В другой жизни, — усмехнулась она и снова опустила

голову на моё плечо.

— Рано думать о другой, пока мы в этой.

— Матушка как бы невзначай говорит, что грех любить того, кто считается мне братом. И я однажды спросила у неё: смогла бы она пожертвовать своей любовью ради меня? Она не ответила. Никто не готов жертвовать любовью.

Виктория начала подниматься. Я придержал её за локоть: она была так слаба, но продолжала храбриться. Она выпрямилась во весь рост и закашлялась, прижалась к моей груди и затихла. Нянечка подняла голову.

— Жертва необходима, — тихо сказала Виктория. — Это залог на следующую жизнь.

Поднялся ветер. Сначала он прошёлся по верхушкам деревьев, а потом спустился ниже и принялся развеивать её волосы и подол платья. Она была невесомой, словно я обнимал призрака.

Виктория первая вошла в дом.

— Такой ветер поднялся, а ты гуляешь в тонком платье!
— мачеха встретила её упрёком.

Следом зашла нянечка, а я остался на пороге.

Мачеха бросила на меня строгий осуждающий взгляд.

— Как-то вы зачастили к нам, Виктор, — пробубнила она.
— Вас не понять! Сижу дома — плохо, гуляю — плохо,
— застонала Виктория. — Я заперта в этих стенах до конца своих дней...

— А куда бы ты хотела поехать? — смягчилась мачеха.

— Да хоть куда! Например, я ни разу не была на балу.

— Я готов сопровождать, — вмешался я.

— Исключено! Это далеко, — возразила мачеха.

— Пообещайте, что отвезёте меня на бал? — Виктория смотрела на меня, склонив голову набок.

— Обещаю, — кивнул я.

— Какой вздор! — не соглашалась мачеха.

Но ни я, ни Виктория не обращали на неё внимание.

— Мне пора, — я протянул руку Виктории.

И когда она вложила свою тоненькую кисть в мою большую ладонь, мачеха громко выдохнула. Я нежно коснулся губами подрагивающих пальчиков.

Виктория улыбнулась и выхватила свою руку:

— Спасибо за прогулку, я чувствую себя гораздо лучше после неё.

— Тебе нужно выпить лекарства! — встряла мачеха.

— Всенепременно! — уже поднимаясь по лестнице, ответила ей Виктория.

Глава VII

Я искал способ помочь ей, и поиски привели меня к алхимику. Я был уверен, что старик, слывший в округе колдунном, поможет мне. У меня больше ничего не было, кроме надежды, и он подкрепил её.

— Что мне нужно сделать, чтобы она осталась со мной? —

без приветствия начал я, как только переступил порог дома, который внешне казался дряхлым и старым, а внутри выглядел будто из другого времени — из будущего.

— Я не могу оставить тебе её, я же не бог, — улыбнулся алхимик. — Но я могу оставить тебя таким до того момента, пока ты вновь не встретишь её душу.

— Не понимаю...

— Я скажу тебе, в каком роду её душа переродится. Тебе нужно только быть рядом и ждать, — спокойно объяснил он.

— Сколько ждать?

— Не знаю, — пожал плечами он. — Несколько десятков лет.

— Сколько десятков? — Я уставился на него.

— Может быть, сотен, — старик пожал плечами.

— Но её душа точно переродится?

Он кивнул.

— Что мне нужно сделать?

— Связать ваши души до того момента, пока её душа покинет её тело.

— Как связать? — Я присел в кресло. Ноги вдруг перестали держать меня.

— На что ты готов пойти, чтобы вернуть её?

— На всё.

— И на убийство?

— Кого мне нужно убить? — не сомневаясь, спросил я.

Алхимик рассмеялся. По моей шее пробежал холодок.

— Никого убивать не нужно.

Я почувствовал облегчение. Вряд ли бы я смог убить кого-то, но если бы это было единственным залогом того, что я верну Викторию...

— Никого *убивать* не нужно, — повторил алхимик, — чтобы замереть в том возрасте, в котором ты есть сейчас, друг мой. Суть в другом: чтобы почувствовать её душу, нужно связать себя с ней. Связать себя с родом, в котором эта душа должна переродиться. Я не дам тебе бессмертие, лишь продлю жизнь. Ты понимаешь это?

Я кивнул. Я слышал его слова, а их смысл не дотягивался до моего разума. Важно, что я вновь встречу её. И неважно, что мне нужно сделать для этого.

— Обвенчайся с ней.

— Так просто?

— Ну не скажи! — усмехнулся старик. — Не любая церковь подойдёт и не любое время.

— А как мне остаться в этом возрасте?

— Сначала венчание. Потом приходи за снадобьем...

— У меня нет времени! У нас нет времени, — резко прервал его я. — Мне нужно всё сразу.

— Ты уверен?

— Да!

— Держи. — Он протянул мне флакон и сразу спрятал ладони в своей длинной мантии, которая полностью скрывала его тело. Я старался не рассматривать его, но глаза то и дело

скользили по его лицу. Оно было без морщин, но седая борода, брови и длинные волосы указывали на то, что передо мной был именно старик. — Через одиннадцать дней будет полная луна. И только в это время, когда Земля находится между Луной и Солнцем, твоё проклятие сработает.

— Проклятие? — сглотнул я.

— Ты будешь проклят, мой друг.

— Если это поможет не потерять Викторию, я готов быть проклятым.

Алхимик усмехнулся:

— И не забудь про венчание.

— А что, если... если нас откажут венчать?

— Ты всё равно отыщешь её душу, но тебе будет сложнее.

Я выдохнул.

— То есть... после того, как проклятие активируется, я перестану стареть?

Старик кивнул.

— А она? Новая она... будет стареть?

Он улыбнулся:

— Как только ты встретишь её перерождённую душу, всё будет кончено.

Глава VIII

Я не был готов к отказу, это разбило моё сердце. И это разобьёт сердце ей!

— Святой отец, умоляю вас...

Я чувствовал слабость в ногах. После встречи с алхимиком я плохо спал. Можно сказать, не спал вовсе: до полной луны оставалось всё меньше дней.

Я стоял перед священником, сложив ладони в молитве.

— Что ты, Виктор! Это грех. Это неправильно...

Прав оказался алхимик, не так уж будет и просто обвенчаться.

— Любовь неправильна? — вскрикнул я. Те немногие прихожане, что были в церкви в этот час, смотрели не на иконы. Мой голос эхом расползся по стенам. — Любовь грех?! — громче сказал я. — Вы лицемер! Каждую воскресную проповедь начинаете со слов, что любовь способна излечить любой недуг. Дайте мне её спасти! — Я был зол. Очень зол! И это отравляло мои слова.

— Я не могу, — вздохнул священник.

— Позвольте мне хотя бы попытаться... — понизил голос я. Я был готов встать на колени. Умолять. Упрашивать. Проглотить свою гордость и сделать всё, что от меня потребуется, лишь бы получить то, что мне нужно. А нужно мне было обвенчаться с Викторией до полнолуния.

— Это убьёт твоих родителей, Виктор, — строго сказал священник. В его лице не было и намёка на то, что он изменит своё решение.

— А если я не попробую, это убьёт её!

— Я не могу, — повторил священник.

— Я сожгу эту церковь дотла! — вновь вскипел я. — Я найду способ воскресить её!

— Что ты такое говоришь, сын мой... — Священник сложил ладони вместе.

Я умоляюще смотрел на него, но уже понимал, что проиграл — мы проиграли.

— Я не могу... — тише и менее уверенно повторил священник.

Алхимик и его дом исчезли. Казалось, они были частью моего воспалённого страхом и тревогой воображения. Но его снадобье всё же было настоящим. Я выпил всё до последней капли, не зная, как проклятие сработает без связи.

Мне было стыдно появиться перед Викторией: все мои попытки спасти её обречены на провал. И я не знал, как смотреть ей в глаза. Как сказать ей, что я ничего не смог сделать. Долго мялся на пороге, прежде чем войти в дом. Но я не видел её, казалось, целую вечность, и поэтому переборол себя и шагнул внутрь, сразу же столкнулся с мачехой лицом к лицу. Она пронзила меня осуждающим взглядом. За что она меня осуждала, я не понимал. За то, что пришёл или за то, что долго не приходил?

— Добрый день, Виктор.

— Добрый, — кивнул я, закрывая за собой дверь.

— Виктор?! — Услышал взволнованный голос Виктории, которая быстро спускалась по крутой лестнице. — Я так скучала без вас...

Я поднял голову, и наши взгляды встретились. Сколько облегчения было в этих зелёных глазах. Или это отразилось моё облегчение?

— Виктория, что за вздор! — осадила её мачеха. — И накинь уже что-нибудь на свои голые плечи.

Виктория закатила глаза, проходя мимо неё.

— В нашу последнюю встречу вы обещали отвезти меня на бал, — она протянула мне ладонь.

Я с нежностью подхватил её руку и коснулся губами пальцев, не опуская глаз:

— Я выполняю свои обещания.

— Матушка, вы слышали? — громко сказала Виктория.

— Я не отпущу тебя в Вену! — недовольно фыркнула та, не собираясь оставлять нас наедине.

— А вдруг это моё последнее желание? — усмехнулась Виктория.

Я почти не ощущал её лёгкую кисть в своей ладони.

— Вздор! — Мачеха сдалась: всплеснула руками и ушла вглубь дома.

Виктория с мольбой посмотрела на меня, словно я мог как-то повлиять на решение её матери.

— Почему бы им не поехать с нами? — Я пожал плечами.

Она выхватила свою ладонь и спрятала обе руки за спину. Моя рука так и повисла в воздухе, а потом медленно опустилась.

— Я уже расшила два платья, — рассказала Виктория.

Я взглянул на нянечку, которая сидела на краешке кресла у окна с шитьём, и улыбнулся: *она* расшила два платья.

— Чем ещё заниматься в бессонные ночи. А как проходили ваши дни?

— Ужасно скучно, — тихо ответил я.

— Готова поспорить, вокруг вас много прекрасных женщин, в объятиях которых можно скоротать эти скучные вечера... — Виктория исподтишка наблюдала за моей реакцией на свои слова.

— Я мечтаю лишь о ваших объятиях, — почти прошептал я.

Она вновь глянула на меня, склонив голову на бок.

— Куда вы собрались, Виктор? — Вероятно, мачеха уже пожаловалась отцу, и тот пришёл отчитать меня. — Ты же знаешь, в её...

— Она находится здесь и всё слышит, — перебила отца Виктория, заглядывая мне через плечо.

Я повернулся к нему.

«А что, если это единственное, что мы можем сделать для неё сейчас?» Я вздрогнул. Эта мысль проскочила в моей голове голосом отца. Я напрягся, вглядываясь в его лицо.

— Я очень хочу на бал! — настаивала Виктория.

— Ей не мешало бы развеяться, отец, — поддержал её я, — сменить обстановку.

Виктория с благодарностью посмотрела на меня.

«Я никуда не отпускаю её с Виктором одну! А Леон обещал

поддержать меня в этом...» Эта мысль звучала испуганным голосом мачехи. Но она стояла за спиной отца, поджав губы.

В ушах звенело. Словам препятствовал ком тошноты, но я выдавил из себя:

— Что, если вам поехать с нами?

— Это такая долгая дорога... — не сдавалась мачеха.

— С вами или без вас, но мы поедem в Вену. — Виктория сложила руки на груди.

Мачеха недовольно фыркнула. Но это было её защитной реакцией, она не знала, как иначе оградить свою дочь от меня. Откуда я это знал? Я слышал её мысли...

— Едем? — с надеждой посмотрела на отца Виктория.

Тот несмело кивнул, но подумал о том, что нарушил данное жене обещание.

Мне нужно было вдохнуть свежего воздуха.

— Извините... Я... Мне... — Я выскочил за дверь.

Глава IX

Меня бросало то в жар, то в холод... Я думал, рассыплюсь на частицы прямо здесь.

— Ты в порядке?

Я обернулся на тихий взволнованный голос. Виктория куталась в шаль, хотя было тепло — я бы даже сказал, что это самая тёплая осень за все прожитые мною.

Она подошла ближе.

— Подумай о чём-нибудь, пожалуйста... — глухо произнёс я. Я слышал только шелест листвы, которую подбрасывал ветер.

Виктория напряглась и сощурилась.

— Думаешь? — Я всматривался в её озадаченное лицо.

— Да! О том, что ты спятил!

Я вздохнул и приблизился к ней:

— Я так сильно хочу, чтобы ты осталась со мной.

— Виктор... — Она высунула руку из-под шали и поднесла ладонь к моей щеке.

— Чувствую себя слабым, — я прижался к её руке, прикрывая глаза, — не имея возможности помочь тебе. Ощущаю, как ты увядаешь. Каждый день этой жизни... как шаг от тебя.

— Ничто не властно над смертью, — произнесла Виктория.

Я притянул её к себе. Она была такой хрупкой — почти невесомой. Я боялся раздавить её в объятиях. Я втянул её запах. Она пахла домом — моим домом. Там, где она, — моё место. Я вдруг так осязаемо ощутил это.

Я понимал, что не смогу спасти её — не в этой жизни. Её уже захватила смерть. Она как самая густая тьма обступила душу Виктории и готова была бороться за неё. А я проигрывал.

— Виктор? — Её голос, как путеводная нить, вывел меня на свет из темноты моих мыслей. — Что происходит с душой

после смерти тела?

— Она ждёт своё следующее воплощение.

— А где она ждёт? Сколько ей нужно ждать?

— Этого я не знаю.

Виктория отстранилась и посмотрела мне в глаза.

— Мне не страшно. — Её голос был спокойным. — Я не боюсь умереть, если буду знать, что в следующей жизни ты будешь ждать меня.

— Ты не умрёшь. — Эта ложь легко сорвалась с моих губ, потому что я сам верил в неё.

Мы вернулись в дом. Мачеха как будто стояла возле двери, дожидаясь, когда мы вернёмся. Всё невысказанное осуждение было направлено на меня: в её мыслях я видел себя змеем-искусителем.

— Тебе... — начала она.

— Даже не начинайте, матушка, — осадила её Виктория, хлопнув входной дверью.

Глава X

Прокравшись в дом ночью, я рисковал быть замеченным, и это стало бы хорошим поводом для мачехи, чтобы выставить меня за порог и никогда не впускать.

Бесшумно добравшись до чердака, я осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

— Виктория... — Глаза не привыкли к темноте, но я всё

равно пытался рассмотреть её силуэт.

Она сидела у окна:

— Я не сплю.

— Нам нужно идти, — прошептал я, протягивая руку.

Виктория поднялась и схватилась за неё. Тёмно-бордовое платье расплылось по белой простыне, как кровавый ручей. Я вздрогнул от минутного видения, схватил лежавшую рядом шаль и накинул на её плечи.

Выходя из комнаты, я снова придержал дверь, чтобы она не хлопнула.

— Куда мы идём? — спросила Виктория, спускаясь за мной по лестнице.

Я развернулся и подхватил её на руки у подножия. Она ахнула, прижавшись ко мне.

— Я запомню тебя своей женой. — Я помог ей забраться в карету, подобрал длинный подол её платья и поднял голову, встречаясь с ней взглядом. В её глазах светилось счастье вперемешку со страхом. — Ты скажешь мне да, — я присел рядом и схватил её ладонь, растирая холодные пальцы, — над нашими головами пронесут свечи у алтаря, нас свяжут навеки крепкими узами...

Я замолчал: могло ли это стать реальностью?

— Брака, — закончила за меня Виктория, улыбаясь.

Мы зашли в церковь. Мне пришлось уговорить другого священника, но я не сказал ему, кто моя избранница.

— Сын мой... — Он открыл дверь, его лицо было скрыто

за чёрным большим капюшоном.

— Мы здесь, не медлите! — поторопил я.

— Ты не сказал, что...

Я уже знал, что он не пойдёт на это: прочитал в его мыслях. Виктория, цепляясь за мой локоть, тяжело дышала, закашлялась.

— Не медлите! — повторила она.

— Я не могу... Это грех!

— Нет больше греха, чем препятствовать двум любящим связать свою жизнь одной судьбой! — Виктория резко выпрямилась и стала наступать на священника.

Я протянул руку, чтоб удержать её, но она отмахнулась от меня.

— Я не могу... — раздосадовано ответил священник и попятился.

— Всё, что я могу забрать туда с собой, это любовь! Но вы даже этого лишаете меня. Как вы будете спать, святой отец, зная, что лишили меня надежды... — Кашель прервал её, она вздохнула и продолжила: — ...надежды встретить его! Там, куда моя душа отправится после смерти. Там, где она переродится. Там... там...

Я подскочил к ней и схватил за плечи. Она начала задыхаться.

— Да! — выкрикнула она. — Да... — повторила тише, опускаясь в мои объятия.

Я успел подхватить её, раздражённо посмотрев на священ-

ника. Тот помотал головой.

— Ты должен обвенчать нас!

— Я не возьму на себя этот грех...

— Ты мерзавец! — Я надвигался на него прямо с Викторией на руках. Её тело обмякло, но я слышал её дыхание. — Ты сказал, что сделаешь это...

— А ты не сказал, что собираешься обвенчаться со своей сестрой! — перебил меня священник. — Я не пойду на такое.

Развернувшись, я зашагал прочь, не оборачиваясь.

Я хотя бы попробовал...

Когда мы спустились по лестнице, Виктория начала приходить в сознание. Её дыхание было взволнованным. Она приподняла голову и прошептала:

— Он обвенчал нас?

Я ничего не ответил, прижав её к себе крепче.

— Обвенчал? — настойчиво повторила она.

Я остановился. Из груди вырывалось пылающее сердце.

Виктория прижалась ко мне ещё сильнее, её холодное тело остужало этот жар.

— Прости, — прошептала она, — за то, что не верила... в силу твоих чувств.

Я поцеловал её в лоб:

— Я думаю лишь о том, как спасти тебя, и совсем забыл, что ты ещё жива. Что нуждаешься во мне. Это ты меня прости.

Глава XI

Мы отправились в Хофбург в двух каретах. Мачеха побагровела, когда Виктория прошла мимо их кареты и села в мою.

— Интересно, когда её терпение кончится, — она закатила глаза.

— Она очень любит тебя, поэтому стерпит всё, — предположил я. Хотя именно это я считал в мыслях мачехи.

— Даже когда мы будем кружиться в вальсе?

— Виктория...

— О, только не это выражение! — фыркнула она. — Будто я зацепила коленкой твой пах.

— Мне и правда больно из-за того, что...

— Что ты не можешь отстоять свои чувства? — перебила меня она.

— Мои чувства? — сглотнул я.

— Ты меня любишь? — в лоб спросила Виктория. — Я хочу знать!

— Я никогда не смогу любить тебя так, как ты того заслуживаешь.

— Сколько жизней тебе потребуется, чтобы понять, что любить кого-то другого ты тоже не сможешь? — Виктория отвернулась к окну. — Мне осталось слишком мало времени, — продолжила, не поворачиваясь, она, — чтобы я имела

роскошь тратить его на недосказанности. Я люблю тебя. И мне не страшно говорить об этом вслух.

— Я тоже люблю тебя... — выдохнул я. — Как никого никогда не любил. И не полюблю.

— Так почему ты не можешь жениться на мне? — Она вскинула голову. — Мы же не приходимся друг другу кровными братом и сестрой. Просто наши родители спят в одной кровати. Разве это имеет значение для нас?

— Матушка никогда не даст своего благословения.

— Мне оно не нужно!

— Ты же не хочешь навлечь на свой род проклятие?

— Я не верю в проклятия!

— Твоя душа будет *страдать*.

— А твоя душа *будет* страдать?

Я вздохнул:

— Моя душа уже страдает.

Виктория уснула. Когда её голова стала клониться всё ниже, я пересел рядом и подставил своё плечо. Её дыхание выровнялось, она опустила с моего плеча на колени, подложив под голову ладони. Я задержал дыхание. Уверен, она уже не спала — испытывала моё терпение. Ещё мгновение — и я прижму её к себе, нарушу все свои принципы...

Виктория подняла голову, и я облегчённо выдохнул: она спасла меня от самого низкого падения.

— Поцелуй меня... — выдохнула она.

Я вжался в сиденье. Разум сопротивлялся, но сердце тяну-

лось к ней. И оно побеждало, потому что ему вторила душа.

— Пожалуйста, — настаивала Виктория.

Я медленно приблизился к ней и прильнул горячими губами к её холодным. Услышал, как громко забилося её сердце, а дыхание на моих губах стало частым.

— Не прекращай, — простонала она, словно почувствовала, что я хочу отстраниться. — Я умру, если ты больше не будешь меня целовать...

— Будь моя воля, я бы никогда не отрывался от твоих губ, — признался я. — Ни на дыхание, ни на пищу, ни на слова.

— Если вечность существует и мне в ней томиться до следующей встречи с тобой, то я хочу помнить лишь твои губы и твои руки, чтобы отыскать тебя в следующей жизни по этим воспоминаниям, — нежно прошептала Виктория.

Мы приехали в Вену прямиком к первому Императорскому балу сезона. Едва нас разместили, я покинул свои покои: не мог находиться так близко к Виктории, но при этом не иметь возможности быть рядом.

Гуляя по окрестностям Хофбурга, я наткнулся на цыганку, которая стояла у ворот и продавала украшения. Я замедлил шаг возле неё.

— Хочешь оставить себе то, что ускользает в этой жизни, мой хороший? — прошептала цыганка, обращаясь ко мне.

Я остановился.

— Ты вернёшь себе это. Но на твою долю выпадет прежде много боли. И её будешь причинять ты, а не тебе.

На сундуке перед цыганкой были разложены украшения. Мой взгляд упал на диадему, украшенную изумрудами.

— Дай ладонь! — приказным тоном сказала цыганка.

Я повиновался, протягивая ей руку.

— У тебя очень долгая жизнь... — Она рассматривала мою ладонь. — Очень долгая, — задумчиво повторила цыганка, — но несчастливая. Когда обретёшь счастье, потеряешь... — Подняла на меня глаза. — ...бессмертие.

Я выхватил свою руку.

— Уже всё решено... — закивала цыганка.

Я стоял возле покоев Виктории, не решаясь войти. Встретились бы мы при других обстоятельствах? Полюбила бы она меня, ведь у неё была бы возможность подыскать себе партию получше? Дверь распахнулась, Виктория затащила меня внутрь.

— Я почувствовала, что это ты!

Я слегка отпрянул, разглядывая её. Несколько оттенков зелёного каскадными волнами разной длины из трёх слоёв струились по её ногам, спину она держала прямо, спереди корсет был словно защитный панцирь, а вторую волну юбки она расшила тёмно-золотым узором в тон корсету. Тонкую длинную шею украшало ожерелье в несколько линий, в ложбинке между ключиц сиял изумруд. Волосы были собраны в высокую причёску. Её наряд был прекрасен, и диадема, которую я держал за спиной, подходила ему. Но... я видел другое. Я видел, как блестели её глаза, как расправились её пле-

чи, украшенные декоративными наплечниками, как порозовели её щёки, как вздымалась в волнении грудь, не затянутая корсетом.

— Красиво? — выдохнула Виктория.

— Ты красива, — сглотнул я.

Она рассмеялась, а потом закашлялась. Я подскочил к ней и бережно взял её руку.

— А платье? — настаивала Виктория, — я столько работала над ним!

— Не одежда делает тебя красивой, моя душа, — я провёл по её открытой спине ладонью, — любая другая в этом платье была бы просто хорошенькой девицей.

Виктория улыбнулась.

— Только не хватает одной детали.

— Какой?

— Закрой глаза.

Она повиновалась. Я надел диадему ей на голову, мои пальцы застыли на её шее, но я быстро убрал руку.

Виктория обернулась к зеркалу, распахнула глаза и ахнула:

— Как ты узнал, что я буду в зелёном... — вымолвила она.

— Почувствовал, — улыбнулся я. — Нравится?

— Она прекрасна!

Дверь открылась без стука.

«Конечно, где бы ему ещё быть!» — мысленно застонала мачеха, а вслух добавила:

— Только вас и ждём.

— Мы уже спускаемся, — улыbnулась ей Виктория. И эта улыбка обескуражила мачеху: она и хотела бы сказать что-то острое, но лишь осадила нас недовольным взглядом.

— Как ты можешь смотреть на меня, когда вокруг столько всего прекрасного? — Виктория заворажённо оглядывалась по сторонам, любуясь росписью стен и потолков. Она задрала голову: — О, какая восхитительная люстра!

— Для меня самое прекрасное здесь — ты, — не соврал я.

— Более льстивых комплиментов я ещё не слышала.

— Это не лесть...

Мы остановились друг напротив друга. Моя рука лежала на её талии, что, несомненно, не нравилось мачехе. В её мыслях я слышал желание пристроить нас: и Викторию, и меня — вот почему она согласилась на эту поездку. Мы находились на приличном расстоянии от родителей, но я всё равно слышал каждую их мысль. Отца не тревожило, что мы были бесстыдно близко — как считала мачеха — друг к другу. Он думал, что моё присутствие хорошо влияет на самочувствие Виктории.

О чём думали другие присутствующие в зале, я не слышал — словно нарочно отключил их, но как только настраивался на чужую волну, то меня настигал поток их мыслей. Я уловил желание во взгляде мужчины, что поглядывал на Викторию. Я смотрел поверх её головы на этого нахала, который не догадывался, что я слышу его пошлые мысли.

Виктория словно не замечала, что другие мужчины в зале съедали её взглядами, а их мысли были заполнены только незнакомкой, вид которой хоть и болезненный, но даже в этом случае она затмила всех присутствующих дам, чем вызвала ревность у последних.

В моей голове стоял гул чужих голосов, но я хотел бы слышать мысли только одного человека в зале — девушки, что стояла напротив и улыбалась мне. Но по непонятной мне причине именно её мысли были мне недоступны.

— Как думаешь, — прошептала Виктория, привстав на носочки, — если я тебя сейчас поцелую, матушка лишится чувств?

Моя рука оставалась на её талии.

— Ты играешь с огнём, душа моя, — сглотнул я. Если она сейчас поцелует меня, то первым чувств лишусь я.

— Я и есть огонь, — закатила глаза она.

Я подал ей другую руку и той, что неподвижно лежала на её талии, придвинул к себе, не дожидаясь её согласия на танец. Я не любил танцевать, и все балы, на которых сопровождал мать, стоял у входа, дожидаясь минуты, когда могу покинуть зал, не нарушая рамок приличия и не обижая приглашённого, но сегодня я был на своём месте и не ощущал скованности, когда кружился в танце с Викторией.

— Я давно не чувствовала себя так хорошо, как сегодня, — призналась она, когда мы остановились.

— Не устала?

— Я бы протанцевала с тобой всю жизнь.

Я грустно улыбнулся.

— Как жаль, что у нас нет впереди всей жизни, — понизила голос Виктория, произнося то, что было в моих мыслях.

Я не успел ничего ответить: к нам подошли мачеха с отцом.

— Виктория, — взволнованно начала мачеха, — тебя желает пригласить племянник Императора!

— Я устала, — соврала она, и эта ложь была мне приятна: танцевать она хотела только со мной.

— Но милая, ты не же не можешь отказать... — мачеха запнулась.

— Столь важной персоне? — закончила за неё Виктория. — Отчего же не могу? Могу! Небось присматривает себе жену. А ты не забыла упомянуть, что в случае нашего союза он быстро станет вдовцом, или это не проблема, мама?

Я молчал, прикрыв рот ладонью, чтобы скрыть довольную улыбку. Мачеха хотела было что-то ответить, но к нам подошёл эрцгерцог д'Эсте. И моя улыбка исчезла.

— Весьма рад познакомиться с вами лично! — Он смотрел на Викторию.

Моя рука соскользнула с её талии.

— Ваш кавалер будет не против, если следующий танец вы посвятите мне?

— Конечно, не против! — ответила мачеха. — Это её брат...

Эрцгерцог протянул руку Виктории.

— Она сочтёт это за честь, — мачеха подтолкнула её к нему.

И Виктория сдалась.

Пока рука эрцгерцога лежала на её талии, я не вылезал из его головы. Сначала он касался осторожно, думая о том, что её болезнь может быть заразной. Я грустно усмехнулся, едва сдерживаясь, чтобы не подскочить к ним и не вырвать Викторию из лап этого идиота. Он мечтал о том, как её тоненькое тело будет извиваться под ним. Мне было до тошноты противно слышать его мысли, но я, как мазохист, не отключался от их потока. Виктория прошептала ему, что это не заразно, что она неизлечима больна, но это не передаётся тем, кто оказывается рядом с ней. Его движения стали увереннее, но Виктория снова осадил его и предупредила, что ему лучше не рассматривать её на роль своей невесты, ведь вполне вероятно, что она не доживёт до брачной ночи. Я стиснул зубы.

В голове мачехи уже витали образы Виктории в свадебном платье рядом с подходящей в женихи партией. Я сглотнул.

— Благодарю вас за танец, — эрцгерцог проводил Виктории до нас, поклонился сначала ей, потом мачехе, а после удалился.

— Ты хоть чуточку ревновал меня? — спросила Виктория, когда мы уже сидели в карете.

— Нет.

— Нет? — возмутилась она.

— Ни чуточку, — добавил я, — а очень сильно!

— Но мне никто другой не нужен... — Её рука потянулась к моей щеке. — Раз и навсегда, понимаешь?

— Понимаю, — выдохнул я, прижимаясь щекой к её холодной ладони. — Раз и навсегда, — повторил за ней.

— Мне иногда кажется, что ты готов, — она помолчала, а после продолжила тише: — готов к моей смерти. Как бы я хотела знать, о чём ты думаешь...

— Читать мысли других — не упрощает, а усложняет жизнь.

— Откуда тебе известно? — Виктория сощурилась.

— Я лишь предположил, — пожал плечами я. — В моей голове только мысли о том, чтобы ты осталась со мной.

— Это невозможно.

— Душа не умирает...

— А нужна тебе будет моя душа не в моём теле? — Она смотрела на меня в упор, не моргая и не отворачиваясь.

Я выдержал её взгляд и с лёгкой улыбкой ответил:

— Мне не нужно ни одно тело без твоей души.

Обратная дорога показалась мне короче. Виктория сидела напротив, перебирая распущенные по плечу волосы. Её пальцы подрагивали. То ли от волнения, то ли от очередного приступа, который был минутой раньше.

— Прости, — устало произнесла она.

— За что ты извиняешься, душа моя?

— За то, что я такая — обречённая.

— Виктория...

— Мне, правда, жаль! — перебила меня она, — что я не могу дать тебе бóльшего.

— Ты ни в чём не виновата передо мной, — я наклонился к ней и взял её руки в свои. — Это я виноват перед тобой, — опустил глаза на наши сплетённые пальцы.

— Прости меня за то, что я такая нетерпеливая. — Она вырвала свою ладонь из моей и приложила к моей щеке.

Я вздрогнул от холодного прикосновения. Виктория пересела ко мне на колени и прильнула такими же холодными, как и пальцы, губами к моим. И стала целовать. Но не нежно и чутко, а страстно, покусывая.

Я задыхался от её поцелуев. Словно меня сковали цепями и пытали. Хлестали железными прутьями по спине и груди.

Виктория расстегнула мою рубашку и засунула туда ладонь, моя щека всё ещё пылала от холода её прикосновения.

— Что ты делаешь... — Я отстранился от неё.

— Прости, — улынулась она и продолжила целовать.

Но это всё было неправильно. Я не мог себе позволить опорочить Викторию.

Вот только все мои попытки отстраниться от неё были напрасными. Возможно, я не был достаточно настойчив. Она блуждала холодной ладонью по моей груди, оставляя там болезненные ожоги. Она дрожала, и я дрожал вместе с ней. От страсти. От страха. От боли, которая сжигала меня изнутри, превращая все внутренние органы в пепел. Я ощущал всю

эту боль как физическую.

Она целовала меня, забывая дышать. Её душил кашель, но она не отпускала мои губы. Её выдохи становились хриплыми, а вдохи тяжёлыми. Я не выдержал и оттолкнул её:

— Прекрати! Я...

Виктория занесла ладонь. И только когда щеку пронзил такой же ледяной холод, а потом она запылала, я понял, что Виктория дала мне пощёчину. Она быстро отстранилась от меня и вернулась на своё место, отвернувшись к окну. Её всё ещё душил кашель, но она дышала резко, не позволяя ему вырваться наружу. По щекам к ключицам, которые не были прикрыты, спускались слёзы.

— Виктория...

— Ненавижу своё имя! — прошипела она, резким движением вытерев щёки.

Глава XII

Несколько дней я не мог перебороть себя и переступить порог дома. Избегал — и Викторию, и родителей. В глубине души я уже смирился, что она меня оставит. И был настроен отыскать её душу в другом теле.

Я хотел незаметно пробраться на чердак, но столкнулся с мачехой и был удивлён, что вместо осуждающего взгляда меня встретило смирение. Она тоже смирилась с тем, что Виктории скоро не станет. И я хотел бы осудить её за это сми-

рение, но лишь опустил голову, когда наши взгляды встретились.

— Я позову её, — кивнула мачеха, мысленно добавив: *«Наконец он пришёл!»*

Я даже открыл рот от удивления. Мачеха подошла к лестнице:

— Дорогая, ты спустишься? Виктор пришёл! — Она посмотрела на меня и добавила тише: — Она всю ночь не спала, я слышала, как она ходила по комнате.

— Ей стало хуже? — сглотнул я.

Мой вопрос остался без ответа, потому что к нам спустилась Виктория. Мачеха вздохнула и оставила нас.

— Прогуляемся к озеру?

Я открыл дверь, пропуская её вперёд. Проходя мимо меня, Виктория остановилась и подняла голову: этот взгляд я запомню навсегда. Словно меня полоснули по горлу опасной бритвой. Я набрал побольше воздуха в лёгкие и задержал дыхание, прикрыв глаза.

Мы остановились, не дойдя до озера несколько шагов.

— Ты грустишь?

Я помотал головой.

— Грустишь. — Виктория поднялась на носочки и приложила обе ладони к моим щекам. — Я же вижу. Почему?

— Потому что ничего не могу сделать, чтобы помочь тебе...

— Будь рядом, — прошептала она, — пожалуйста.

— Вик...

— Как бы ты хотел, чтобы меня звали в следующую нашу встречу? Я ненавижу своё имя. А твоё люблю, — быстро проговорила она, пошатнувшись.

Я придержал её за талию. Она опустила ладони на мои плечи, запустила пальчики в мои волосы.

— Я люблю твои волосы, — прошептала она. — Люблю тебя за них. Остайся таким же до нашей следующей встречи.

— Ты прощаешься?

— Я устала! — Виктория прижалась ко мне, обхватив шею руками. Она дрожала. — Я так устала...

Я притянул её к себе.

— Пожалуйста, обещай, что в следующей жизни мы не будем братом и сестрой... — отозвалась она со вздохом нежнее, чем шёпот. — Обещаешь?

— Обещаю.

Куда уходит душа после смерти тела? Я не верил, что она исчезает. А если не исчезает, то где ждёт своё следующее воплощение?

Несколько раз я возвращался к тому месту, где был дом алхимика, но каждый раз встречался с пустотой. Хотел бы я тоже иметь возможность исчезать — мне это будет необходимо, когда Виктории не станет. Поиски другого священника, который согласился бы обвенчать нас, были напрасными. Как только в церкви узнавали моё имя и имя моей невесты,

отказывали. К тому же Виктории с каждым днём становилось всё хуже, и она больше не покидала чердак.

На пороге как обычно столкнулся с мачехой. Под её пронизывающий взгляд, который я чувствовал спиной, поднялся до чердака. Помедлил, прежде чем войти. За мной шлейфом тянулись мысли мачехи: *«Её уже не вытащить с того света...»* Я продолжал пытаться, но все мои старания разбивались о нежелание Виктории выйти ко мне навстречу. Она смирилась со своей судьбой, я же хотел её переиграть.

Я открыл дверь и наткнулся на выцветшие изумруды. Словно из камней вытянули весь цвет. Словно кто-то щёлкнул переключателем, и Виктория вдруг стала чёрно-белой. Она сидела на кровати, подобрав ноги под себя и облокотившись на подушки. Когда я вошёл, она поднялась мне навстречу, но остановилась и открыла рот, будто хотела что-то сказать, потом сжала губы.

— Как ты себя чувствуешь?

— Это неважно! — Виктория взмахнула руками. Шаль, брошенная на худые плечи, соскользнула, я успел подхватить её у самого пола.

— Виктория, пожалуйста... — взмолился я.

— Всё кончено, Виктор. — Она с вызовом посмотрела на меня. — Я подменила травы в матушкиной шкатулке. Вместо успокаивающего чая она заварит мне листья белены.

— Будто бы матушка не заметит подмену, — усмехнулся я, скрывая за этой усмешкой страх.

— Не заметит! — фыркнула Виктория.

— Зачем? — Я протянул руку, чтобы коснуться её плеч, но замер, так и не дотянувшись до неё. — Что ты хочешь мне доказать?

— Что ты ничего не можешь изменить, — холодно бросила она. Её голос был безжизненным.

— Давай повенчаемся? Прямо сейчас!

Звонкий смех разнёсся по комнате, потом резко оборвался.

— И что это изменит? — Виктория смотрела на меня безразлично. — Я всё равно умру. Ты даже не дождёшься медового месяца.

— Если ты будешь пить отвар успокоительного и обезболивающего, тебе будет легче, — произнёс я, сам не веря в эти слова.

— Ты не понимаешь... — разозлилась Виктория. — Мне то холодно до самых костей, то всё внутри меня горит адским пламенем!

Я протянул руки, чтобы обнять её, но она оттолкнула.

— Да и кто нам позволит обвенчаться! Ни одна церковь не возьмёт на себя этот грех.

— Любовь — это не грех, — не слишком уверенно возразил я.

— Любовь между братом и сестрой — грех.

— Я...

— Уходи! — Она вытолкала меня за дверь, всего на мгно-

вение задержав на мне взгляд. Она смотрела опустошённо, отрешённо, сквозь меня.

Её уже не вытащить с того света.

Мачеха громким строгим голосом раздавала указания. Нянечка стояла в углу и вытирала мокрые щёки платком. Лицо отца было серым и мрачным.

— Что произошло? — громко спросил я. Но уже знал ответ: услышал его в их мыслях.

На мгновение все затихли и посмотрели в сторону двери — на меня, а потом как по команде опустили глаза.

Я в несколько шагов преодолел лестницу и оказался возле двери в её комнату. Оттуда не было слышно ни стонов, ни дыхания. Я медленно коснулся ручки, дверь отплыла в сторону — чердак был пустой.

— Где она? — спускаясь по лестнице, громко спросил я. — Где Виктория?

— Не будь эгоистом, Виктор. Не ты один любил её, — фыркнула мачеха.

Я отказывался верить её мыслям.

— Любил?! — взревел я.

— Болезнь забрала нашу Викторию, голубчик, — где-то отдалённо прозвучал тихий голос нянечки.

Она лежала в гробу в свадебном платье. На тонких губах застыла улыбка, но словно эти губы вот-вот раскроются, чтобы сказать что-то колкое... Я всё ещё слышал её голос. Никто словно не обращал внимание, что её глаза были открыты и

снова сияли.

Я опустил­ся над гробом.

— Я не позволю им забрать тебя у меня...

— Виктор, неприлично так убиваться! — Мачеха косну­лась моего плеча.

— А что прилично? — Я, не глядя на неё, ст­ряхнул ла­донь.

— Я закрывала глаза на ваши выдуман­ные чувства друг к другу, — прошипела она, — но не позволю тебе выстав­лять этот стыд напоказ!

— Люсия, доволь­но! — между нами встрял отец. — Не к месту.

— Это вы виноваты, что она покончила с собой!

— Она не покончила с собой! — возразила мачеха. — Её сердце остано­вилось из-за болезни...

— Для вас доро­же репутация семьи, а на чувства детей вам наплевать! Я любил её. Любил, слышите? Как мужчина любил женщину! — громко повторил я. — И даже смерть не разлучит нас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.